

УДК 811.161.1

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «НРАВСТВЕННОСТЬ»

© А.М.Мубаракшина

В статье рассматривается вербализация категории «нравственность» посредством субстантивной лексики и ее парадигматические отношения в русском языке.

Ключевые слова: абстрактная лексика, лексема, нравственность, мораль, парадигма.

В современном обществе прочно закрепилась тенденция к бездуховности человека, равнодушию, лжи. Между тем, согласно А.А.Гируцкому, слово обладает нравственной природой [1]. Как следствие, исследование языковых единиц с проекцией на нравственное начало связывается с идеей необходимости повышения духовных основ современной личности, носителя языка.

Язык в свою очередь определяет принадлежность человека к той или иной национальной культуре, отражающей его ментально-нравственные характеристики. Культура же вербализуется в языке, аккумулирует ключевые категории (концепты), репрезентируя их в знаковом воплощении. Эти ключевые концепты детерминируют языковую картину мира писателя, реализуясь в художественном континууме текстов его произведений, поэтому исследование способов вербализации категории «нравственность» на материале текстов произведений отечественных писателей позволит уточнить представления о базовых элементах языковой картины мира знаковых представителей русской лингвокультуры.

Категория «нравственность» и механизмы ее описания всегда были предметом научных работ в психологии, философии и других науках. Актуальны исследования нравственности и в лингвистике.

В русском языке отдельные категории указанной тематики были рассмотрены в трудах Ю.Д.Апресяна [2], Н.Д.Арутюновой [3], А.Вежбицкой [4], А.А.Зализняка [5], Т.В.Бульгиной, А.Д.Шмелева [6], Ю.С.Степанова [7], В.Н.Телия [8], Е.В.Урысон [9] и других.

Новизна данного исследования заключается в том, что в работе предпринят анализ группы лексем со значением «нравственность», проанализированы парадигматические отношения между единицами и предложена классификация указанных номинативов. Материалом для исследования послужили имена существительные нравственной тематики, выбранные из произведений «Ключа» Ю.Н.Тынянова [10] и «Битва железных канцлеров» В.С.Пикуля [11].

Впервые слово «нравственность» зафиксировано в словарях русского языка XVIII века, когда начало активно функционировать в качестве синонима к лексемам «мораль» и «этика». Со временем, в связи с расширением функционально-семантического поля каждого из этих понятий, неизбежно появились некоторые смысловые оттенки, отличающие их друг от друга.

В данном вопросе правомерно придерживаться мнения профессора П.С.Гуревича о том, что мораль «есть ментальная характеристика личности, проявляющаяся в специфической форме мышления», а нравственность – это «сфера нравственной свободы личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами, область самостоятельности и творчества человека, внутреннего самопринуждения благодаря сознательности переходящего в склонность и спонтанное побуждение творить добро» [12: 48], то есть нравственность – это область практических поступков, обычаев, нравов.

Что касается этики, то в современном словоупотреблении чаще всего этот термин имеет значение «философская наука».

Отечественная лингвистика имеет свою точку зрения на лексему «нравственность». Так, толковый словарь современного русского языка Д.Н.Ушакова фиксирует два значения: «1. Совокупность норм, определяющих поведение человека. 2. Моральные свойства» [13: 542]. Толковый словарь РАН трактует нравственность как «внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами» [14: 529]. Данная интерпретация является наиболее синкретичной и подразумевается, как правило, при употреблении лексемы в литературных текстах, например: «В германских княжествах строго следили за **нравственностью**, и суровые чины при старомодных шпагах с хрустом выдирали из парижских изданий легкомысленные картинки: вид француженки, чуточку приподнявшей платье, чтобы поправить чулок, приводил таможеню в содрогание, как **непотребная порнография**» [11: 14].

Существительные, называющие нравственные характеристики человека, занимают особое место в ряду субстантивов как групп имен отвлеченной семантики, реализуемой в пределах разных лексико-семантических вариантов. Согласно классификации А.А.Уфимцевой, основанной на разных степенях абстракции, заявленный пласт лексики относится к группе имен, выражающих в высшей степени обобщенное понятие признака, то есть является результатом изолирующей абстракции [15: 84]. Среди данных имен выявлены такие лексемы, как *любезность, наглость, гордость, тщеславие, честь, безнравственность, достоинство, уважение, вежливость, самолюбие, такт, благородство* и т.д. Интегральной семой для всей группы номинативов является сема «мораль», определяемая как «*нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность*» [14: 460]¹. Она присутствует в семантической структуре всех исследуемых лексических единиц. Дифференциальные признаки распределяют лексемы на две подгруппы, в которых: 1) содержится указание на душевные качества, 2) содержится указание на правила поведения.

Семантическая тема первой подгруппы определяется через значения слов *качество*, т.е. «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность» [14: 330], и *душа* – «то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами; внутренний, психический мир человека, его сознание» [14: 210].

Среди рассматриваемых лексических единиц данной подгруппы можно выявить парадигмы двух степеней:

– имеющие в качестве дифференциальной семы «*качество*», это лексемы *честь* («достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы»), *достоинство* («положительное качество; совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»), *благородство* («высокая нравственность, самоотверженность и честность»), *доброта* (от «добрый» – «делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества; хороший, нравственный»), *добродушие* (от «добродушный» – «добрый и мягкий по характеру, незлобивый»);

– имеющие в качестве дифференциальной семы «*чувство*», которая определяется как «*осознанное отношение к чему-нибудь; эмоция, пере-*

живание». Данное значение вербализуется в лексемах *гордость* («чувство собственного достоинства, самоуважения»), *самолюбие* («чувство собственного достоинства, самоуважения, самоутверждения»), *раскаяние* («чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка»), *искренность* (от «искренний» – «выражающий подлинные чувства; правдивый, откровенный»), *неискренность* («противоположность искренности»), *чистосердечие* (от «чистосердечный» – «искренний, откровенный»), *гнев* («чувство сильного негодования, возмущения»), *неблагодарность* (от «неблагодарный» – «не испытывающий чувства благодарности»), *ненависть* («чувство сильной вражды, злобы»)².

Анализ словарных статей лексических единиц парадигмы первой ступени (*честь, достоинство, благородство, доброта, добродушие*) свидетельствует о способности коннотаций к тривиальным семантическим взаимодействиям в тексте. Так как под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [2: 159], справедливо будет отметить, что данные лексемы в текстах обладают положительной коннотативной окраской, то есть во всех случаях употребления обозначают качества, заслуживающие одобрения.

Кроме того, примечательно, что, взаимодействуя на одном уровне, слова в некоторых случаях противопоставляются на другом парадигматическом уровне. Так, семантическая особенность лексем парадигмы второй ступени – возможность их классификации на а) положительные, то есть «*заслуживающие одобрения, полезные и существенные*» [14: 689] (*гордость, самолюбие, искренность, чистосердечие*), и б) отрицательные – «*закрывающие в себе отрицание, отвергающие что-нибудь*» [14: 596] (*гнев, неблагодарность, ненависть*).

С точки зрения лексической сочетаемости вышеуказанные языковые единицы, представляющие парадигму «душевные качества», обозначают характеристики, которые могут быть применены по отношению:

– к индивиду: «*Да. Я яда носил в кармане порцию хорошего, дабы отравиться сразу, если нарвусь на оскорбление чести*» [11: 8]. Ценность качества, обозначаемого лексемой, для личности абсолютизируется, что говорит о высоком моральном облике ее носителя. «*Европейские газе-*

¹ В нашей работе понятия «мораль» и «нравственность» рассматриваются как взаимозаменяемые.

² Здесь и далее значение всех лексических единиц приводится из Толкового словаря РАН [14].

ты писали о нем как об очень большом политике, который в пору небывалого унижения своего отечества умеет сохранять **достоинство** посла великой державы» [11: 29]. Лексема в данном случае характеризует скорее не качество человека, а занимаемую им должность, непременным атрибутом которой оно является.

«Симпатии французов к России несколько не пострадали от войны, в Париже с большим уважением отзывались о русском солдате как о стойком противнике, не лишенном **благородства**» [11: 41]. Автор использует прием метонимии, чтобы посредством нравственной характеристики одного солдата охарактеризовать моральный облик всей русской армии.

«Конечно, ученому нелегко дался этот шаг, и на **искренность** Горчаков решил ответить тем же святым чувством» [11: 165]. Называемое качество наделяется неким сакральным смыслом, который свидетельствует не только о высоких нравственных идеалах его носителя, но и дает намек на приверженность к религии.

«Один лишь старик Август Бебель с обычным **чистосердечием** говорил на публичных митингах рабочих» [11: 11]. Не случайно подчеркивается возраст говорящего, который позволяет предположить, что с годами люди приобретают нравственные характеристики, являющиеся для них «обычными».

«Царь отлично понимал качество **доброты**, сиявшей в голубых глазах Бенкендорфа и пленявшей женщин» [11: 105]. По данному контексту можно судить о том, что автор наделяет абстрактное существительное **доброта** свойствами конкретного, а именно присваивает ему такую характеристику, как качество в значении «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность». «Из чиновничьей службы Бисмарк вынес **ненависть** к прусской бюрократии» [11: 68];

– к группе людей, образующих народность, национальность, государство: «Вы немножко наивны, как и следует человеку науки, а я, наверное, слишком жесток в вопросах, кои относятся до **чести** моего отечества» [11: 165]; «Кажется, – сказал он Балабину, – мне удастся вывести Россию из конфликта без ущерба для ее **достоинства**» [11: 29].

Встречаются контексты, где можно говорить о таком приеме, как персонификация, однако здесь вопрос о том, насколько он соответствует действительному взгляду писателя на вещи, выходит за пределы стилистики и относится к области мирозерцания вообще. Там, где автор верит в одушевленность названных качеств, они

уже воспринимаются как одушевленные и такими изображаются: «Национальная **гордость** возмущена, в низах народа скапливается громадный взрыв патриотизма» [11: 34]; «Наполеон III заверил Горчакова, что условия мира не будут **отяготительны** для русской **чести**, о чем князь сразу же поспешил сообщить в Петербург – канцлеру Несельроде» [11: 29].

Стоит отметить, что персонификация касается не только положительно характеризующих качеств, но и отрицательных: «Не скрою от вас, любезный коллега, что России предстоит испытать **чесотку** своего **самолюбия**» [11: 29]; «Сейчас в Берлине боятся Петербурга, но берлинских дураков страшит и **гнев** австрийский» [11: 23];

– к целому миру: «Сплошное **добродушие** было в основе всего мира» [11: 43]; «Мир еще ужаснется от своей черной **неблагодарности**» [11: 25].

Существенный элемент лексического значения слов второй подгруппы, выступающий в качестве дифференциального семантического признака, выражается при помощи составного наименования *правила поведения*, значение которого можно раскрыть через значение слов, входящих в него. Первое – *правило* – определяется как «образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка», второе – *поведение* – трактуется как «образ жизни и действий».

Состав данной подгруппы формируется за счет лексем *уважение* («почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств»), *почет* («уважение, оказываемое кому-нибудь обществом, окружающими людьми»), *воспитание* («навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни»), *невоспитанность* (антоним воспитанности), *вежливость* (от «вежливый» – «соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый»), *внимание* («заботливое отношение к кому-чему-нибудь»), *невнимание* (антоним внимания), *галантность* (от «галантный» – «изысканно-вежливый, любезный»), *такт* («умение вести себя пристойно, уважая других, чувство меры в поведении, поступках»), *добропорядочность* (от «добропорядочный» – «приличный, достойный одобрения, порядочный»), *любезность* (от «любезный» – «обходительный, предупредительный, учтивый»), *манеры* («внешние формы поведения»), *фривольность* («не вполне пристойный поступок»), *наглость* (от «наглый» – «дерзко беззастенчивый, бесстыдный»), *бесцеремонность* (от «бесцеремонный» – «беззастенчивый и развязный, выходящий за границы вежливости»), *презрение* («глубоко пренебрежитель-

ное отношение к кому-чему-нибудь»), *порок* («развратное поведение»), *преступление* («общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности»), *оскорбление* («оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова»), *лесть* («лицемерие, угодливое восхваление»), *безнравственность* (от «безнравственный» – «нарушающий правила нравственности, противоречащий им»), *невежество* («невежливое поведение, невежливость»), *предательство* («вероломство, поступок, поведение предателя»), *наглость* («наглый поступок, выражение»), *подлость* («подлый поступок»), *лицемерие* («поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью»).

Отчетливо видно, что в значении слов данной группы рациональный сигнификативный слой преобладает над конкретно-чувственным денотативным, который в некоторых случаях вообще оказывается пустым, то есть с данными словами в сознании не ассоциируются никакие конкретные образы, например: «*Рослый Бисмарк почтительно склонялся к плечу невысокого Горчакова, выражая самое искреннее внимание, как ученик к мудрому учителю*» [11: 19].

Как и в предыдущей группе, лексемы, указывающие на *правила поведения*, можно маркировать как «положительные», к которым относятся такие слова, как *уважение, почет, вежливость, внимание, галантность, такт, добропорядочность, любезность*, так и отрицательные: *фривольность, наглость, бесцеремонность, презрение, порок, преступление, лесть, безнравственность, невежество, невоспитанность, предательство, оскорбление, подлость, лицемерие, невнимание*.

«Психологически реальные» [16] значения словесных единиц исследуемой группы слов, представленных в произведениях Ю.Н.Тынянова и В.С.Пикуля, практически во всех случаях соответствуют их «лексикографическим» значениям, указанным в современных словарях русского языка: «*Здесь, прикрывая неприязнь утонченной вежливостью, он противоречит всесильному диктатору Меттерниху*» [11: 21]; «*Адмирал терпеть не может ни щеголей, ни французятины и, глядя на щеголя, думает: «Эх, шалбер» (шалберами он называл всех щеголей), – но почет и уважение адмирал любил*» [10: 31]; «*Адвокаты на суде рыдали, до небес превознося своего кроткого подзащитного как образец философского мученичества и небывалой галантности*» [11: 18].

Однако в некоторых случаях благодаря текстовому окружению слово приобретает дополнительные оттенки: «*Тютчев снова оказался в кругу*

семьи, а дочери, как и жена, с благородным тактом делали все, чтобы он забыл о могиле, которую поливали серые петербургские дожди» [11: 163]. Так, можно говорить о том, что слово «благородный» указывает не на высокую нравственность, а на дворянское происхождение, поэтому *такт* в данном случае рассматривается как привилегия дворянского поведения, а не поведение вообще. То же происходит при характеристике героини, имеющей иностранное происхождение: «*Она была глубоко несчастна из-за частых измен мужа, что не мешало ей с немецкой добропорядочностью регулярно поставлять клану Романовых все новых отпрысков*» [11: 47]. В данном случае *добропорядочность* воспринимается сознанием писателя как врожденное качество, характерное для представителей именно немецкой нации, а не иной.

Совпадение со словарной дефиницией наблюдается и у слов отрицательной семантики: «*Вскоре князь заметил в отношении к нему императора некоторую фривольность, какой не замечал ранее*» [11: 161]; «*Под наукой общежития, – говорил Куницын, как бы порицая кого-то, – разумеется не искусство блистать наружными качествами, которые нередко бывают благовидною личиной грубого невежества, но истинное образование ума и сердца!*» [10: 32]; «*Мы не можем послать Узедома ни к какому приличному двору Европы...именно из-за невоспитанности его жены*» [11: 160]; «*Предательство было неправомерно для России!*» [11: 29]; *За оскорбление публичное верховной власти, – сказал Ермолов, – застрелить*» [10: 157]; «*Он называет ваше превосходительство, – бормотал толмач, – шакалом и трусом, он говорит о подлости вашего величества*» [10: 145].

Стоит отметить, что тексты произведений, взятых для анализа лексем заявленной тематики, содержат множественные описания политических деятелей и военачальников союзных и враждебных государств. Как следствие, лексемы, вербализующие составляющие антинравственности, чаще всего встречаются в том, что касается политических недругов, например, Австрии: «*И с презрением говорила о короле Виктор-Эмануэле*» [11: 67]; Франции: «*Бисмарк многое перенял из практики Наполеона II, но беспардонная наглость бонапартизма в переводе с французского языка на немецкий звучала грубее и решительнее*» [11: 156]; Англии: «*Но опасения оказались излишни: Наполеон поехал преподавать Англии урок французской тирании, а получил от нее урок английского лицемерия*» [11: 73].

Зачастую негативная коннотация лексемы, передаваемая ее словарной дефиницией, практи-

чески утрачивается в контексте и воспринимается читателем в качестве позитивной либо нейтральной в том случае, когда имеется противопоставление с явлением, которое в оценке автора считается худшим из двух: «*Я готов на преступление, на порок, но только не на бессмысленную жизнь*» [10: 142].

Как показывает анализ употребления лексем заявленной тематики, наименее частотной является лексема «безнравственность». Также можно отметить, что ее лексическое значение независимо от контекста не подвержено включению нового смыслового содержания в систему уже имеющегося: «*Сердце этого молодого человека было пусто, ни одной искры истинного добродушия не было в нем, одна беспорядочная ветреность да какие-то звуки в голове, и при этом нерадивость, легкомыслие и – увы – безнравственность!*» [10: 43].

Дифференциация выбранных слов по признаку «положительный/отрицательный» легко осуществляется посредством анализа лексического значения, данного в различных словарях, однако этот метод применим не ко всем рассмотренным лексемам. Коннотации слов *манеры* и *воспитание* не входят непосредственно в их толкование. Это связано с тем, что данные лексемы выражают имена, обозначающие категории реального мира, выступающие в роли родовых понятий по отношению к видовым. Кроме того, в значении слов отсутствует четкое противопоставление по тем или иным семантическим признакам, что приводит к недостаточной информативности объема данных понятий. Конкретизировать их эмоционально-экспрессивную нагрузку возможно посредством атрибутивных распространителей, например: «*Стройный, голубоглазый джентльмен, он получил благородное воспитание в Мейнингене, склад ума имел несколько педантичный, но держался, как независимый «викторианец», уже положивший в карман полмира*» [11: 161]; «*Значит, – сказал Бисмарк, – я совершил большую ошибку, беря в жены особу с благовоспитанными манерами*» [11: 154]; «*Он непременно должен был выделяться своими эксцентричными манерами на фоне серых придворных его величества*» [11: 42]; «*Горчаков, напротив, считал неприемлемым его скверное воспитание, влияющее на политическую обстановку старого света*» [11: 87].

Таким образом, исследование в области вербализации лексики с тематикой «нравственность» в текстах Юрия Тынянова и Валентина Пикуля позволило нам выделить ряд основных лексических парадигм в сфере субстантивной лексики, в которых лексемы противопоставля-

ются и объединяются по тем или иным семантическим признакам. Отметим, что «лексикографическое» значение проанализированных лексем не всегда совпадает с «подразумеваемым», приобретая новые смысловые оттенки. Это также доказывает тот факт, что лексика нравственной тематики является одним из важных фрагментов языковой картины мира писателей, что дает в перспективе почву для исследования данных слов в других аспектах.

*****

1. Гируцкий А.А. Общее языкознание. Пособие для студентов вузов. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 320 с.
2. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии в 2 томах. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. I: Парадигматика. — 568 с. (Studia philologica).
3. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ Языка. Языки этики. — М.: Языки славянской культуры, 2000. – 448 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 291 с.
5. Зализняк А.А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 448 с.
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Грамматика позора // Логический анализ языка. Языки этики. — М.: Языки славянской культуры, 2000. – 448 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 228 с.
9. Урысон Е.В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 184 – 189.
10. Тынянов Ю.Н. Кюхля. Рассказы. С илл. – Л.: «Худож. лит.», 1973. – 560 с.
11. Пикуль В.С. Битва железных канцлеров: Роман и миниатюры. – М.: Современник, 1994. – 431 с.
12. Гуревич П.С. Философия человека, часть 2. Основы христианского Богословия // URL: http://www.society.plbu.ru/gurevich_humanphil.html (дата обращения 12.01.2013).
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н.Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Н.Ф.Татьянченко. – М.: Альфа – пресс, 2005. – 1216 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им.В.В.Виноградова. Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

15. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с. (Новый лингвистический учебник).
16. *Ситникова О.В.* Лексика морально-нравственного содержания в языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка // URL: <http://www.dissercat.com/content/leksika-moralno-nravstvennogo-soderzhaniya-v-russkom-yazyke-noveishego-perioda-i-ee-otrazhen#ixzz2ccxeCNG9> (дата обращения 14.02.2013).

PARADIGM RELATIONSHIPS OF LEXEMES WITH A VALUE «MORALITY»

A.M.Mubarakshina

This article discusses verbalization of the category of “morality” by means of nouns and their paradigm relationships in the Russian language.

Key words: abstract vocabulary, lexeme, morality, moral, paradigm.

*****

1. *Giruckij A.A.* Obshee yazykoznanie. Posobie dlya studentov vuzov. – Minsk: TetraSistems, 2008. – 320 s.
2. *Apresyan Yu.D.* Issledovaniya po semantike i leksikografii v 2 tomakh. – M.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2009. – Т. I: Paradigmatika. – 568 s. (Studia philologica).
3. *Arutyunova N.D.* O styde i sovesti // Logicheskij analiz Yazyka. Yazyki e'tiki. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2000. – 448 s.
4. *Vezhbickaya A.* Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov/ Per. s angl. A.D.Shmeleva pod red. T.V.Bulyginoy. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 291 s.
5. *Zaloznyak A.A.* O semantike shhepetil'nosti (obidno, sovestno i neudobno na fone russkoj yazykovoj kartiny mira) // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki e'tiki. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2000. – 448 s.
6. *Bulygina T.V., Shmelev A.D.* Grammatika pozora // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki e'tiki. — M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2000. – 448 s.
7. *Stepanov Yu.S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – M.: Akademicheskij proekt, 2001. – 990 s.
8. *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – 228 s.
9. *Uryson E.V.* Golos razuma i golos sovesti // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki e'tiki. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2000. – S. 184 – 189.
10. *Tynyanov Yu.N.* Kyuxlya. Rasskazy. S ill. – L.: «Xudozh. lit.», 1973. – 560 s.
11. *Pikul' V.S.* Bitva zheleznyx kanclerov: Roman i miniatyury. – M.: Sovremennik, 1994. – 431 s.
12. *Gurevich P.S.* Filosofiya cheloveka, chast' 2. Osnovy kristianskogo Bogosloviya // URL: http://www.society.plbu.ru/gurevich_humanphil.html (data obrashheniya 12.01.2013).
13. *Ushakov D.N.* Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D.N.Ushakov; pod red. d-ra filol. nauk N.F.Tat'yanchenko– M.: Al'ta – press, 2005. – 1216 s.
14. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proisxozhdenii slov / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V.Vinogradova. Otv. red. N.Yu.Shvedova. – M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2008. – 1175 s.
15. *Kobozeva I.M.* Lingvisticheskaya semantika: Uchebnyk. – M.: KomKniga, 2007. – 352 s. (Novyj lingvisticheskij uchebnyk).
16. *Sitnikova O.V.* Leksika moral'no-nravstvennogo soderzhaniya v yazyke novejshego perioda i ee otrazhenie v yazykovom soznanii sovremennyx nositelej russkogo yazyka // URL: <http://www.dissercat.com/content/leksika-moralno-nravstvennogo-soderzhaniya-v-russkom-yazyke-noveishego-perioda-i-ee-otrazhen#ixzz2ccxeCNG9> (data obrashheniya 14.02.2013).

*****

Мубаракшина Анастасия Михайловна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, преподаватель русского языка и литературы ГАОУ СПО «Казанский педагогический колледж».

Mubarakshina A.M. – postgraduate student, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: blondy010888@mail.ru

Поступила в редакцию 20.03.2013